

Моск. Епархия??

В этом году отмечается ряд значимых дат, как в государстве, так и в Церкви. Речь идет и о столетии революции и столетии Поместного Собора, восстановившего Патриаршество. На майском заседании Священный Синод установил день памяти Собора отцов Поместного Собора, избравшего Святителя Тихона на Патриаршую кафедру, произошло это 18 ноября, эта дата и была выбрана для празднования памяти Собора. И мы с Вами беседуем в епархиальном доме, возвращенном Церкви Вашими трудами и трудами университета. Именно здесь проходил Поместный Собор. В чем необходимость и значение отдельного дня памяти отцов Собора 1917-1918 года? Почему его стоило выделять в общем сонме новомучеников?

Я уже слышал подобные вопросы. Меня спрашивали, зачем же особо выделять этот Собор среди других? Поместный Собор 1917-1918 гг. – это величайший Собор в истории Русской Церкви. И не потому, что он был именно Поместным, а остальные архиерейскими, – это не самое главное. Он представлял собой всю Россию, весь русский народ. В 1917 году ситуация позволяла выбрать делегатов на этот Собор самым демократическим образом. Сначала на каждом приходе выдвигали людей, из которых на благочиннических собраниях избирали тех, кто будет голосовать за кандидатов на епархиальном собрании. Были выбраны лучшие из лучших. Сюда входили представители всех значимых государственных учреждений, профессора университетов и многие другие замечательные люди, являвшиеся лицами России в самом высоком смысле этого слова.

Когда совершилась октябрьская революция, власть оказалась в руках небольшой группы большевиков. По существу, власть была узурпирована, и для того, чтобы легитимизировать свое положение, захватчики назначили Учредительное собрание, делегаты которого также избирались по всей России. Съезд должен был быть таким же представительным, как Собор. И если бы он избрал большевиков в качестве правительства, то тогда все встало бы на свои места. Как известно, Учредительное собрание не планировало избирать большевиков, в результате чего и было разогнано.

Поэтому в 1917–1918 гг. говорить от лица народа имел право только Поместный Собор, все остальное было нелегитимным. От лица всего народа в

своих воззваниях говорил именно избранный Собором Патриарх Тихон, только он имел на это право. И в этом смысле деяния Собора приобретают совершенно особое значение. Нужно понимать, что не только восстановление Патриаршества было величайшим деянием этого Собора, хотя обычно именно это считается единственным его достижением, а остальные его деяния якобы не могли быть реализованы, потому что началась другая эпоха. На самом деле это не так. Не менее важным результатом деятельности этого Собора стало то, что наша Русская Церковь была мобилизована, была вдохновлена стоять за веру. Этот призыв к мученическому подвигу звучал именно на Соборе! Этот путь своим примером показали именно соборяне. Отсюда, из этой соборной палаты, они уезжали в свои епархии на смерть и становились мучениками за веру.

Соборная палата, где мы сейчас находимся – это место, из которого вышло воинство новых мучеников и исповедников Российских. Теперь мы понимаем, что именно они отстаивали православную веру, именно они стали семенем веры, которое теперь прорастает и возрождает веру в нашей стране. И более того, можно сказать, что судьбы России определялись в значительной степени именно этим подвигом. Думаю, для многих сейчас очевидно, что если бы не это, то России бы сейчас не было. И совершенно очевидно, что если наш народ не будет православным, то Россия не устоит.

Россию создало Православие. Когда-то до его принятия на Руси были раздробленные княжества, воевавшие друг с другом, это были разноэтнические группы на огромном пространстве, которые невозможно было объединить. Это смогла сделать православная вера. Православная вера сделала нашу раздробленную страну единым государством и начало этому объединению положил князь Владимир. Россия жила именно верой, и благодаря ей противостояла напастям, которых в нашей истории было очень много. Вера помогла выстоять и в XX веке.

Именно духовное единство, которое основывается на Православии, на нравственности, которую оно утверждает, именно это единство и стало причиной победы над Великим террором 1920–1930-х годов. Именно поэтому наша Церковь смогла устоять, а за ней стоял и народ. И пока Россия утверждает Православную веру, она остается непобедимой. В этом заключается ни с чем не сравнимая роль Собора 1917-1918 гг. Он был собором мучеников. Более половины его делегатов были репрессированы, около пятидесяти членов Собора причислены к лику святых. Мы с полным правом можем сказать, что этот Собор был Собором святых, и этот факт освящал его деятельность, направлял его. Вначале среди делегатов были разномыслия, различия в

политических взглядах соборян, но очень скоро все это переплавилось в том благодатном огне, который возсиял на этом Соборе и выступил далее как замечательное единство.

Никогда и ни один Собор на Руси не заседал так долго. Прошли три сессии Поместного Собора, а в сентябре 1918-го он был разогнан большевиками. И несмотря на то, что Собор не успел завершить свою работу, сделано было удивительно много. Деяния собора часто ложатся в основу новых церковных преобразований, развития церковной жизни и приносят свои плоды уже сейчас, в новую эпоху. За границей принципы этих соборных решений были положены в основу существования зарубежных епархий Православной Церкви.

Когда мы восстановили это здание, которое является святыней нашей Церкви, то почувствовали, что нельзя оставить его без храма, посвященного святым отцам этого Собора. И по благословию Святейшего Патриарха Алексия II на первом этаже мы сделали новый храм в честь святителя Тихона и святых отцов Всероссийского Поместного Собора. Встал вопрос о том, когда отмечать память этих великих святых нашей Церкви, сравнимых, пожалуй, только с древними великомучениками, и мы решили, что память в их честь можно соединить с памятью Патриарха Тихона. Но отдельного дня памяти святителя нет, поэтому наш университет стал инициатором утверждения новой даты. Дело в том, что день преставления Патриарха Тихона совпадает с праздником Благовещения, день прославления – с памятью апостола Иоанна Богослова, и полноценную службу Патриарху Тихону в эти дни служить нельзя. Мы попросили Патриарха Алексия выделить в особую дату 18 ноября – день избрания святителя Тихона на Патриаршество, на это же число был назначен и наш Актовый день. Патриарх дал на это свое благословение. И вот уже много лет в этот день мы совершаем торжественные богослужения, нами написаны тропарь и стихира святителю Тихону. В этот день Святейший Патриарх Алексий II часто совершал торжественные службы в наших университетских храмах. Он же выдал нам первый антиминос для нижнего храма в Лиховом переулке. Святейший Патриарх Кирилл помог нам завершить реставрацию этого дома и освятил верхний Князь-Владимирский храм и храм в честь Патриарха Тихона и святых отцов Собора. Так традиция почитания Патриарха Тихона в ноябре стала общецерковным праздником.

В 2011 году на архиерейском Соборе был утвержден документ о мерах по сохранению памяти новомучеников и исповедников Российских. В числе мер архиерейский Собор постановил совершать службы, строить храмы, снимать фильмы, открывать музеи, собирать материалы о новомучениках. Что могут почерпнуть из подвигов сонма новомучеников неверующие люди? Потому что зачастую может не быть подробностей их подвига, а только какая-то часть следственного дела. Какой церковный опыт могут узнать эти люди?

К этому столетнему юбилею мы планируем выпустить вторую часть книги-альбома, посвященного пострадавшим за Христа. Первую часть мы выпустили к 20-летию нашего университета, в ней описано время от революции по 1937 года. Об историческом промежутке, начавшемся после 1937 года и длившемся до завершения советского периода, будет рассказано во второй части. В ней мы постарались собрать как можно больше конкретных судеб и имен. Вы знаете, это такое море людей! Столько скорби! Это непомерный бесчисленный подвиг. В этом альбоме мы хотели показать, что за веру пострадали не просто отдельные мученики, а целый народ совершил подвиг. Конечно, мы не могли описать судьбы всех православных крестьян, представителей интеллигенции и вообще огромного количества простых людей, очевидно пострадавших за веру, но самые яркие судьбы мы постарались охватить.

У нас есть база данных «За Христа пострадавшие». Там собрано уже около 40 тысяч имен, и это только часть. Именно на основании этой базы мы решили сделать такой альбом.

Я думаю, такую работу можно вести везде, и это делается в разных епархиях Русской Православной Церкви. Это медленный процесс, но он развивается. К 2000-му году мы собирали материалы о новомучениках по епархиям, но от них не было никакого отклика, и мы уже подумали, что «раскачать» их не удастся. Но оказалось, что они откликаются, только медленно. И сейчас по прошествии 20 лет мы засыпаны публикациями, книгами и просьбами о канонизации со всех сторон из самых разных епархий. Нам присылают огромное количество материалов. Очень важно, чтобы они были доступны как можно более широкому кругу людей, чтобы не произошло разрыва преемства, чтобы внуки и правнуки не забыли подвига своих дедов. И конечно, Церковь должна приложить для этого много усилий. Нужно, чтобы об

этом чаще говорилось в приходах, чтобы молитва новомученикам и исповедникам Российским звучала везде и как можно чаще, чтобы появлялись памятные события и знаки. Я бы даже сказал, что этому мы должны поучиться у советского периода. Ведь тогда герои войны прославлялись повсюду. Для поиска этих героев существовали даже специальные пионерские отряды. Всюду ставились какие-то таблички, воздвигались надгробия, специальные отряды исследовали поля сражений и отыскивали места их захоронений. Это очень хорошее дело. Так же должно быть и в Церкви. Мучеников за веру нельзя забывать, нужно сделать так, чтобы их подвиг проник в души нового поколения и формировал их. В нашем университете мы делаем для этого все, что можем.

Отец Владимир, а есть ли на Вашей памяти примеры того, как подвиг новомучеников повлиял на мировоззрение неверующего человека?

Конечно, есть много таких примеров. Один сотрудник ФСБ прочитал очень интересную книгу «Отец Арсений». Она не является документальной в полном смысле этого слова, потому что в то время, когда писались эти воспоминания, нельзя было указывать имена героев и места событий, это было просто опасно. Но кое-какие архивы при советской власти все же собирались. В числе людей, которые занимались этим, был Владимир Владимирович Быков. Так вот он, по-видимому, просто объединил в одно лицо людей, чьи истории остались в его копилке, и назвал этого персонажа Отец Арсений. Это не собирательный образ, потому что в этом случае художник должен был бы объединить в одном герое какие-то типичные черты. Но автор этой книги не художник, и поэтому он просто механически объединил истории реальных людей и присвоил их одному персонажу, которому сам же придумал имя.

Прочитав эту книгу сотрудник ФСБ был настолько потрясен, что, пользуясь своими профессиональными навыками и возможностями, стал разыскивать действующих лиц этой книги. Он нашел данные героев, скрывавшихся в каждой главе, места, в которых происходили описанные события. То есть он фактически доказал документальность и подлинность этой книги. После чего сам стал не просто церковным человеком, а энтузиастом в деле прославления мучеников за веру и пришел к нам работать. Сейчас он является одним из ведущих сотрудников. Это человек горячей веры. И таких

случаев очень много. Еще Тертуллиан сказал: «Кровь мучеников – семя Церкви». Эти слова актуальны и сейчас.

Изучая историю подвига новомучеников, мы изучаем не только само стояние за веру, но и историю гонений. И в связи с этим, с одной стороны, гонения близки к нам по времени, это живой пример. С другой стороны, мы видим, что государство уже другое и имеет четкое отношение к гонениям и к Церкви, которой возвращаются храмы. Стоит ли сохранять этот опыт гонений в сердце? Стоит ли их ждать? Как верующему человеку относиться к тому, что гонения были так недавно и могут ли они вернуться? Или этот опыт уникальный и единичный?

Я отвечу словами апостола Павла: «Да и всегда желающие жить благочестиво, гонимы будут.» (2Тим.3:12). Так или иначе гонимы. Даже тогда, когда нет кровавых расправ, все равно желающие жить с Богом будут претерпевать лишения от тех, кто с Богом жить не хочет. Это может быть давление или мучительные житейские обстоятельства, в которые попадают верующие люди.

Мы это видим и сейчас. Например, мы хотим построить храм, но собираются какие-то люди, которые устраивают скандалы и не дают нам этого сделать. Причем, как оказалось, этим руководит одна и та же группа людей. Так было и всегда будет на всех уровнях жизни. Такого рода гонение неистребимо в этом мире, который «лежит во зле», как сказано в Священном Писании. В некоторые эпохи все это обостряется и доходит до кровавых гонений. Предсказывать такие гонения я, конечно, не могу и не буду. Но есть многие пророчества старцев, которые причислены к лику святых. Они предсказывали те гонения, которые начались после революции, но говорили, что они закончатся, и Церковь на какое-то время снова восстанет и украсится золотыми куполами и разольется колокольный звон по всей Руси. И пока стоит Церковь и вера, Россия тоже будет стоять. Но все это тоже будет временно. И может быть, даже не очень долго. А потом снова придут гонения, которые будут означать приближение последних времен. Такие предсказания звучали в начале века.

Конечно, мы знаем из истории Церкви, что о последних временах пророчествовали все святые, начиная с апостолов. Например, об этом говорил

апостол Иоанн Богослов. Но время земное и время небесное текут по-разному. И часто люди, которые духовным образом прозревают историю, не могут привязать эти события к земным часам. А может быть, Господь откладывает эти страшные события в ответ на подвиг святых людей. Это тайна Божия. Но всегда считалось, что если жить благочестиво, то все злое отодвигается. То же можно сказать и сейчас. Если наш народ будет жить благочестиво, то эти несчастья от него отодвинутся, а когда он забудет Бога и вера его станет фарисейской, то тогда можно ждать беды.

В этом и следующем году вспоминается убийство царской семьи. И сейчас еще настолько жива трагедия, и до сих пор еще близко падение двух империй, царской и советской. До сих пор чувствуется интерес к жизни, подвигу и последним дням царя, однако отношение к его личности читается по-разному, и со знаком «плюс», и со знаком «минус». Сейчас нам открыто уже много архивных документов, недоступных в советское время. Мы можем оценить его государственную деятельность, были и ошибки, были и успехи. И с одной стороны, империя исчезла при нем, а с другой стороны, царская семья прославлена в лике святых, и ее подвиг многих вдохновляет и объединяет какую-то часть нашего народа. Как совместить в сознании эти факты? Как оценить их?

Эта тема действительно очень трудная. Почему канонизация царской семьи и проходила так трудно, готовилась в течение очень долгого времени. Но в Писании есть такие слова: «Ин суд Божий, ин суд человеческий». Люди судят о других людях и о событиях по своим земным меркам. И очень часто не могут подняться до духовного понимания происходящего. А истина всегда находится именно там, где есть духовное осмысление.

Когда речь идет о власти, то надо сказать, что во все времена ситуация с ней была очень сложной, потому что в ней фокусируется очень много страстей и корыстных земных устремлений! Я бы сказал, что земная власть становится фокусом всевозможной греховной напряженности. В борьбе за нее собираются все силы греха. Поэтому оценить действия правителя всегда было очень трудно, и историки всегда спорили об этих оценках. Даже по прошествии веков единого мнения о политике того или иного представителя власти очень часто так и не достигается. Если вы читаете газеты, заглядываете в Интернет, то вы,

вероятно, видите, в какой степени оболгана всякая власть. Везде, в любой стране. Возьмите к примеру любого президента. Можете ли вы по публикациям в СМИ составить более или менее правильное представление об этом человеке? Я уверен, что нет. Заранее можно сказать: то, что рисуют СМИ не может соответствовать реальному образу этого человека, это просто карикатура. И так можно сказать буквально о любом представителе власти.

Я думаю, такое масштабное воздействие СМИ на общество началось именно с государя Николая II. Именно в ту последнюю эпоху самодержавия средства массовой информации получили возможность масштабной клеветы. Наверное, это первый пример в истории, когда Государь — властитель величайшей страны мира — был до такой степени оклеветан. И эта клевета до сих пор еще не получила достаточно адекватной оценки, потому что в период советской власти она достаточно активно поддерживалась, и это карикатурное изображение государя узаконивалось. Сейчас историки исследователи этого периода начинают понимать, что в действительности было все совсем не так, как это преподносилось в нашей отечественной историографии XX и XXI века. Образ царя неадекватен тому изображению, к которому мы привыкли. Более или менее реально мы можем сейчас оценить лишь последний период его жизни — его заключение, предшествующее мученической кончине. Оценить его правление мы пока не сумели. Но я обращаю Ваше внимание только на некоторые факты этого периода.

В это время было построено огромное количество церквей по всему миру, в самых отдаленных странах. Эти храмы стали украшением Европы. В стране было открыто порядка 40 тысяч церковно-приходских школ. Впоследствии было сказано, что образование подняла советская власть. Но в действительности она просто узурпировала эти школы, сделав их советскими. Эти школы были открыты Николаем II при инициативном участии К.П.Победоносцева. Теперь мы видим, что эта эпоха дала огромное количество великих святителей, подвижников, которые ныне прославлены в лике святых. А ведь это те люди, которые были епископами именно при царе Николае II. Между прочим, тогда нельзя было рукополагать в епископы без прямого волеизъявления государя. Именно он подбирал этих людей на архиерейские кафедры. Примечательно то, что государю принадлежит инициатива прославления в лике святых прп. Серафима Саровского, патриарха Гермогена и других замечательных святых.

В его время потрясающим образом была развита миссионерская деятельность Русской Православной Церкви на ближнем востоке, в Японии,

Китае, Америке – повсеместно. И наивно думать, что все это происходило без его участия. Даже судя по этим нескольким пунктам, можно утверждать, что он был великим государственным деятелем. А то, что при этом он был очень скромным и очень добрым, не был жестоким, боялся всяческих расправ с инакомыслящим, характеризует его с положительной стороны. Если помните, Пушкин в своем гениальнейшем произведении «Капитанская дочка» от лица главного героя Петра Гринева пишет для своих потомков, что только те государственные меры достигают пользы, которые основаны на добрых чистых устремлениях, которые в себе несут милость, высокие христианские принципы, а меры диктата и деспотии никогда не содействуют какому бы то ни было развитию. (*«Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений»*.- А.С.Пушкин «Капитанская дочка») «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» – говорит Пушкин в этой же повести. Образ Пугачевского бунта характерен для всех русских бунтов и в том числе для революции, столетие которой мы отмечаем в этом году. Государь Николай II чувствовал это сердцем, потому что, по-видимому, руководствовался духовными образами и наставлениями таких святых как Серафим Саровский.

Известно, что духовная жизнь царя была удивительно высокой. Мне на должности секретаря комиссии по канонизации приходится читать много материалов, собранных для прославления доктора Евгения Боткина, который был очень близок к государю, особенно в последнее время. И он описывает его религиозную жизнь. Еще в дореволюционное время во дворце регулярно совершалась Божественная литургия, на которой всегда присутствовала царская семья, они часто причащались Святых Христовых Тайн. И даже, когда они были в заключении в Екатеринбурге и к ним долго не допускали священника, они правили службу сами. Боткин с Государем на два клироса читали канон. В период советской власти дома службу вычитывали многие люди, потому что не могли себе представить без нее праздник. Это были люди глубокой церковности. Молитва была их потребностью. И вот эта их духовность, их христианское устройство было причиной тому, что государь не хотел быть «кровавым Николашкой», как его прозвали большевики. Он не хотел никаких кровавых мер и старался действовать любовью до тех пор, пока это было возможно. В то же самое время многие историки называют его слабохарактерным, мягким правителем. Но при нем был премьер-министр Витте, который не был особо близок государю, и по своему складу характера не очень ему соответствовал, но он отмечал в своих дневниках, что это неверный

взгляд на царя, и в действительности государь обладал очень твердым характером. Он очень быстро принимал решения, и в этом смысле даже превосходил своего отца — императора Александра III, который вошел в историю как один из величайших правителей России. Но на долю Николая II выпало очень страшное и сильное напряжение злых сил. Конечно, подобное в истории бывало и раньше, например, татаро-монгольское иго, смутное время, но такого сгущения темных сил, которое выпало на долю последнего императора, не было никогда. Такой концентрации зла, такого исключительно напряженного стремления уничтожить Россию со стороны других стран не было никогда прежде.

Вы затронули тему бунта. В связи с этим такой вопрос. Сейчас мы живем в относительно свободное время, когда православные люди сами могут требовать уважать их веру. И не всегда это бывает спокойно и миролюбиво, иной раз это тоже можно назвать бунтом.

Дух бунтарства сегодня всячески поощряется в международном сообществе, когда речь идет не о своей стране. И мировое сообщество хочет, чтобы подобного как можно больше было в России. Но дух бунтарства — это дух дьявольский. У апостола Иакова есть такие замечательные слова: «Гнев мужа правды Божией не соделывает» (Иак. 1, 20). То есть человек, одержимый страстью гнева, чужд Божией правде, в состоянии гнева он не может ее почувствовать и сказать. Чтобы говорить о правде Божией, нужно иметь мирное устройство сердца, смирение! Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. И все святые всегда были смиренными. А бунт — это концентрация гордыни и эгоцентризма.

Даже в том случае, если мы считаем, что защищаем Православие?

В любом случае, если человек хочет, чтобы было по-его — это очень опасно и вряд ли можно надеяться, что здесь будет правда Божия. Она открывается лишь тогда, когда человек ищет не своей воли. Ведь в молитве «Отче наш» говорится: «Да будет воля Твоя». Если человек со смирением ищет

волю Божию, тогда она ему открывается. А когда человек готов все и всех обличать, то можно быть уверенным заранее, что его обличения будут ложными. И жизнь нас этому учит каждый день.

Отец Владимир, Вы часто говорите, что Патриарх Тихон стоит во главе сонма новомучеников. А Ваш дедушка – протоиерей Владимир Воробьев, в честь которого Вы названы, был знаком со святителем Тихоном.

Да.

Наверняка в Вашей семье остались какие-то воспоминания о нем. Для нас это уходящая эпоха, источником воспоминаний о которой сейчас являетесь Вы.

Мне даже трудно об этом говорить... Мой дед был членом епархиального совета, который возглавлял Патриарх Тихон. Святитель бывал в храме, где мой дед настоятельствовал. Сейчас этого храма в честь Святителя Николая в Плотниках на Арбате уже нет, он был взорван.

У меня хранится пасхальное яичко, которым Патриарх Тихон похристосовался с дедушкой. Сохранилась икона с надписью Патриарха Тихона. Память о нем, еще задолго до его прославления, в нашей семье всегда была священна, не было никаких сомнений в том, что он святой. В самую трудную эпоху в истории России, он явил образ Божия правления, смирения, кротости, преданности воле Божией. Он всегда искал именно Божию волю и руководствовался только ею. В ситуации, сложившейся тогда, человеческий разум разобраться был не в силах. Самые умные люди того времени высказывали очень путаные мнения и взгляды, часто неправильные, ошибочные. А когда смотришь на Патриарха Тихона, то понимаешь, что он не делал никаких ошибок. Почему? Да потому что он действовал не от своего разума, он молился и вопрошал Бога о том, какова Его воля, и эту волю исполнял. А если святитель Тихон делал что-то на свое усмотрение, то мог и

ошибаться, но быстро эту ошибку исправлял, нисколько не заботясь о своем авторитете, не думая о том, что кто-то его осудит. Он был поистине слугой Божиим. Он был очень мягок в общении с людьми, всех всегда встречал с любовью, и каждого человека старался увидеть с лучшей стороны. От него все отходили вдохновенными, с твердым убеждением в том, что они видели святого человека и уносили с собой горячую любовь к Патриарху на всю жизнь. Но все это не мешало ему быть твердым в те моменты, когда от него требовалась защита Церкви и народа. Он проявлял удивительную твердость, порой необъяснимую с точки зрения наших человеческих представлений: «Как он мог устоять? Как он мог выдержать?!»

О его жизни мы знаем очень много. Сохранились воспоминания почти о каждом дне его жизни во время Патриаршества. И, тем не менее, только сравнительно недавно мы узнали очень много нового. Например, раньше не было известно, что он находился под домашним арестом не только в 1922-1923 годах, но эта мера регулярно применялась к нему с 1918 года. Он находился под домашним арестом на Троицком подворье. Мы раньше не знали, что в то время, когда он находился в заточении в Донском монастыре, его периодически вывозили на Лубянку, где он много времени проводил на допросах и подвергался тяжелому давлению. Нам стало известно, что он был под судом, и высшая государственная власть на уровне Политбюро вынесла ему смертный приговор. Он не был приведен в исполнение, потому что это сулило большевистскому правительству огромные неприятности в международных отношениях, в первую очередь в финансовом плане. Могло быть то, что сейчас называют санкциями. Есть серьезные доводы в пользу того, что Патриарх Тихон окончил жизнь не своей смертью, а был отравлен. Выяснить это можно было бы, если исследовать мощи с помощью специальных анализов, но пока этим не занимаются. Однако посудите сами, как совершилась его кончина. Известно, что ему был сделан укол, после которого святителю стало плохо, и он умер в течение нескольких часов. Это же говорит само за себя.

Кончина его совершилась в начале первого часа ночи, то есть уже глубокой ночью. Евгений Тучков — сотрудник ЧК, курировавший в ОГПУ религиозные вопросы, явился через несколько минут (!) после того, как умер Патриарх Тихон. Как это было возможно? Только в одном случае: если он этого ждал, ведь правда? А ждать он мог только, если это было запланировано. То есть Тучков знал, что смерть святителя должна наступить в это время, и ждал неподалеку. Как рассказывают свидетели, первое что он сделал, когда вошел — потер руки и, не скрывая злорадства, сказал: «А, преставился старик?» Сразу

после этого он стащил деньги, которые были пожертвованы Патриарху для строительства келии. Это документальные факты, которые описывают свидетели. Картина, прямо скажем, недвусмысленная. Сам Патриарх Тихон это предчувствовал. В 1925 году, 7 января он оставил свое завещание, где назвал имена трех местоблюстителей Патриаршего Престола, он понимал, что долго ему жить не придется.

Отец Владимир, Вы являетесь одним из организаторов изучения новейшей истории Русской Церкви в XX веке. Это напрямую связано с изучением подвига новомучеников. Почему Свято-Тихоновский университет начал комплексно заниматься этим направлением?

Потому что история Церкви советского периода отсутствовала. То, что преподавали в то время в семинарии, назвать историей было нельзя. Не было никакой источниковедческой базы. В существовавших учебниках не было ни одного документа, авторы не располагали никакой информацией, это была просто конфетная обертка, в которой рассказывалось о Патриархе Сергии, Патриархе Алексие, в эпоху которых в Церкви все было более или менее спокойно.

Я знал эту историю с другой стороны, благодаря тому, что у меня были знакомства с людьми, которые жили в то время и передавали устные воспоминания, часто отличные от тех, которые были в учебниках. И я понимал, что нужно восстановить правду, что это нужно для нашей Церкви, ведь она не может забыть своих святых и подвижников, которые ее отстояли ценой своей жизни. Советскую историю нужно было переписать заново, это стало нашей важнейшей задачей. И как только появилась возможность, мы сразу за это принялись.

Сначала мы просто стали собирать материалы о пострадавших за веру. Потом начали хлопотать о доступе в архивы, которые потихоньку стали открываться, появилась возможность в них работать, и нам открылось огромное количество документов. Но я в этом смысле был на особом положении, потому что еще в 1960-е годы я очень близко познакомился с замечательным человеком Михаилом Ефимовичем Губониным, который был иподиаконом у викария Святителя Тихона и присутствовал на Патриарших службах. Близко

наблюдая Патриарха Тихона, Губонин был убежден, что он великий святой. Поэтому Михаил Ефимович посвятил всю свою жизнь собиранию документов и воспоминаний о Патриархе Тихоне. Первое накопленное собрание материалов он закопал в землю, почувствовав, что его могут арестовать. Конечно, он постарался сделать это как можно надежнее, но тем не менее, материалы пропали. Вернувшись из ссылки, он принялся собирать все заново и восстановил утраченное. Он проделал огромную работу. После его смерти осталось 17 тысяч машинописных страниц документов и воспоминаний. Он писал не только о Патриархе Тихоне. М.Е. Губонин известен по книге «Кифа» о митрополите Петре (Полянском). Хотя авторства в ней не стоит, но известно, что написал эту книгу Михаил Ефимович.

У Губонина был очень узкий круг знакомых, и я в него входил. Так получилось, что из всего этого собрания часть информации была подготовлена для печати. Он хотел попробовать напечатать это в издательстве Московской Патриархии (еще при советской власти). Надо сказать, что он подготовил эти материалы удивительным образом. Содержание напечатал на больших страницах, прошил их, отформатировал, вставил фотографии, которые тоже собирал, и переложил их специальной бумагой. Он бы художником-оформителем, и ему это удавалось прекрасно. Этот подготовленный к печати том сам по себе являлся произведением искусства.

Тогда напечатать его не удалось, и я предложил ему напечатать книгу хотя бы для узкого круга читателей, чтобы не утратить ее совсем. Мы перепечатали ее в 5 экземплярах. Один из них попал в руки к Льву Регельсону. Вы, наверное, знаете его по книге «Трагедия Русской Церкви. 1917–1953 гг.». Эту книгу он написал по материалам Михаила Ефимовича Губонина, конечно, не упомянув его нигде. Правда, этого тогда делать было нельзя. В результате в целях конспирации он присвоил авторство этой книги себе. Единственное место, где Регельсон косвенно упоминает о чужом авторстве, это несколько слов о том, что к нему в руки попал замечательный архив.

Когда сформировался наш отдел по изучению новейшей истории Русской Церкви, мы приготовили к печати полное собрание воспоминаний, записанных Губониным, и первая книга, которую выпустил наш отдел, – «Акты Святейшего Патриарха Тихона». Потом мы напечатали двухтомник воспоминаний о святителе Тихоне. К этой работе я был подготовлен еще в те времена. Когда Михаил Ефимович скончался, его вдова отдала все материалы в наш университет.

Вот что еще примечательно. Михаил Ефимович чтит Патриарха Тихона как святого, совершенно удивительным образом. У него на столе стоял футлярчик, в котором находился его малый омофор. И Губонин работал рядом с ним, можно сказать, под омофором Святителя. Он умер 9 октября 1971 г., в день апостола Иоанна Богослова. Потом через много лет именно в этот день был прославлен Патриарх Тихон. Вот как бывает... А ведь он всю свою жизнь положил на это прославление.

А каким Вам запомнился день прославления?

Он был драматическим. Патриарх Пимен чтит и любил Патриарха Тихона и очень хотел его прославления. Решение о канонизации было принято. Но потом об этом стало известно в ЦК, о прославлении донесли самому высокому начальству. И уже оттуда спустили категорический запрет, потому что Патриарх Тихон при советской власти считался одной из самых одиозных личностей. Власть его просто ненавидела так же, как и отца Иоанна Кронштадтского. И тут Патриарх Пимен, который по большей части смирялся перед требованиями властей, часто вел себя достаточно пассивно, а в то время и вовсе был уже совершенно немощным, сказал: «Нет, мы все-таки его прославим».

Прославление готовилось в тайне, но по «сарафанному радио» об этом прокатилась молва. Я бегом отправился в Данилов монастырь, где канонизация совершалась в Троицком соборе при закрытых дверях, я еле-еле туда втиснулся. Патриарх Пимен вместе с сонмом архиереев очень скромно и тихо, даже без соблюдения обычных традиций, пропели тропарь и величание Патриарху Тихону, отслужили короткий молебен — это и было канонизацией Святителя Тихона Патриарха Московского и всея Руси.

Позже я присутствовал при обретении его мощей в Донском монастыре. Конечно, это был незабываемый момент в моей жизни. И это тоже было по промыслу Божию.

Вы не раз говорили о том, что духовная наследственность важнее биологической. Вся Ваша жизнь связана с удивительными пастырями:

отцом Всеволодом Шпиллером, иеромонахом Павлом Троицким. Какое место в Вашей жизни занимали и занимают Ваши духовники?

Буквально все в моей жизни было связано с этими святыми людьми. Я не могу говорить об этом без слез... Начиная с моего дедушки, имя которого мне дали. Я с детства чувствовал призвание к священству. Мама меня привела на первую исповедь к замечательному священнику отцу Александру Скворцову, он был настоятелем Иерусалимского подворья на Гоголевском бульваре. В молодости он был священником в благочинии моего деда, поэтому мама повела меня к нему, ведь храмов было тогда мало, как и священников, к которым можно было пойти, много было таких, которым не доверяли. Отец Александр сам был исповедником, бывал в тюрьмах и лагерях, а когда мы к нему пришли, он был духовником Московского духовенства. Такой благообразный старец. Он меня, маленького мальчика, сразу отвел в алтарь и там поисповедовал, как исповедуют детей, — ну, что там можно сотворить в семь лет? После исповеди он отвел меня к маме на клирос и сказал ей, что я буду священником. Вся моя жизнь была прожита по благословию. И я всегда молился, чтобы Господь даровал мне духовного отца, который бы говорил мне волю Божию, чтобы я знал, как поступить. И Господь это исполнил, правда, я это не сразу понял. Но у меня был такой старец, который в письма так и писал: «Это воля Божия».

Что Вы передаете своим духовным чадам от своих духовников?

Все очень просто. Как многие духовники и святые угодники Божии, они учили послушанию, смирению, твердости в вере, стоянию за правду, то есть обычным христианским добродетелям, прежде всего. Но дело тут даже не столько в словах, сколько в каком-то благодатном преемстве, которое они несли. А когда находишься рядом со святым человеком, то благодать Божия, которая живет в нем, касается твоего сердца, отпечатывается на нем, и становится понятно, куда идти. Мне кажется, самое главное в жизни каждого человека — иметь маяк, который указывает путь.

У Вас такие маяки были?

Да, и теперь я знаю, что это великий Божий дар. Обычно как все большое и великое это видится на расстоянии. Но я уверен, что пройдет еще какое-то время и, может быть, я до этого не доживу, но эти святые старцы будут прославлены в лике святых. Уже сейчас мы понимаем, что, например, отец Иоанн (Крестьянкин), отец Кирилл (Павлов), отец Николай (Гурьянов) и многие другие старцы были всероссийски известными святыми людьми. Но своего духовного отца иеромонаха Павла Троицкого я могу сравнить только с древними великими святыми, отшельниками, затворниками. Причем на протяжении 20 лет я с ним общался исключительно в письмах. У меня их осталось очень много.

Отец Павел руководил каждым шагом в нашей жизни и даже в жизни наших детей. Причем задавать ему вопросы часто мы не могли, потому что их отправляли не почтой, а с какой-нибудь оказией, которая случалась не так уж часто и всегда внезапно. Но важно то, что ему не нужны были наши письма, он все видел и без них. Он часто писал о том, о чем мы даже и не думали спрашивать. Расскажу к примеру случай, который был в Вешняках. Там есть двухэтажный храм Успения, в нижнем храме очень низкие потолки, и из-за этого всегда стояла духота, народу всегда было много, почти всегда образовывалась давка, и каждое воскресенье скорой помощи приходилось увозить какую-нибудь бабушку.

Детей в храме всегда было мало, а мои приходили на каждую службу, и их «выдавливали» прямо к клиросу, потому что весь остальной храм был просто забит людьми. Так было и на одном из праздников, во время Литургии дети с матушкой стояли на клиросе. После этого пришло письмо от отца Павла. Дословно не помню, но смысл письма таков: «Праздник прошел очень хорошо, чудесно пели». А пели, к слову сказать, мои духовные чада, из которых потом получился факультет церковного пения. «Но почему Ваня во время Херувимской песни занимается чем-то неподходящим?», – писал отец Павел. А Ване было лет пять или шесть. Ну, по всей видимости, он устал и занимался чем-то отвлеченным, хотя я этого не видел, потому что находился в алтаре. Но я его потом спросил: «Ваня, что же ты такого делал?» – «Да, ничего такого, папа». - «Ну, может быть, руками болтал?» – «Я делал вот так». И сын показал мне, как он вращал вокруг друг дружки большие пальчики. То есть батюшка видел даже такие мелочи.

И еще один пример. После службы, чтобы уехать на дачу, дети шли на станцию «Вешняки», которая находится рядом с храмом. И пока они ждали поезда, по всей видимости, расслаблялись и баловались. И в очередном письме отец Павел пишет: «Я был на службе с тобой, все было очень молитвенно. Но почему Коля обижает маленького Ваню? Он такой кроткий и смиренный, а Коля такой нападающий.» Видимо, пока они ждали электричку, Коля Ваню шпынял. (Смеется).

Удивительно понимать из этих писем, что даже на большом расстоянии батюшка все видит и все про тебя знает, причем знает не только то, что ты делаешь или говоришь, но и все твои мысли. И он часто мне писал: «Ты думаешь то-то и то-то, а на самом деле все совсем по-другому». И эти мои мысли я никому не рассказывал и тем более не писал ему. И свидетелем такой его прозорливости был не только я, а все, кто с ним переписывались.

Однажды я написал ему: «Можно я приеду, чтобы хоть раз увидеть Вас? Хотя бы один раз!» И в эту же ночь он мне приснился. А потом я получил письмо: «А зачем видеться? Я и так вижу всех, кого хочу».

Спаси Господи! И последний вопрос. 25 лет Свято-Тихоновскому университету — это уже целая эпоха. Много написано и рассказано о том, как все начиналось. Но оглядываясь на прошедшую четверть века, все ли из запланированного удалось сделать?

Вы знаете, я бы сказал, что сделано то, чего и не планировали. Потому что мне в голову не могло прийти планировать то, что в результате сделано. Я даже не предполагал, что так может быть. Когда все начиналось, у нас была одна задача — дать возможность получать образование молодым людям, желающим узнать о вере. Поэтому мы начали с лектория, работа которого продолжалась два года. Потом слушатели попросили нас сделать что-то более серьезное. И мы в ответ сделали богословско-катехизаторские курсы. Они открылись в феврале 1991 года, а 12 марта 1992 года уже был зарегистрирован Богословский институт, тоже по желанию курсантов. Наш полугодовой лекторий был засчитан за первый курс института, а на втором курсе ребята учились полноценно, после чего их нужно было выпускать. Но они возмутились: «Что же, это все? Обучение закончилось? А мы хотим учиться

дальше. Давайте делать институт». По их желанию мы обратились к Патриарху Алексию II, он, улыбаясь, спросил: «Хотите устроить конкуренцию Московским Духовным школам?» Но никакой конкуренции не было и быть не могло, потому что у нас не было ни кадров, ни площади, ни денег, не было ничего. Кроме того, контингент наших учащихся был совсем другой нежели в духовных школах. Потому что туда приходили люди, отслужившие в армии, они жили в семинарии, потом женились и принимали священный сан. А для людей женатых семинария была закрыта, потому что в семинарии они жить не могут — у них уже семья. А на заочное отделение МДАиС принимали только тех, кто уже был рукоположен. И то, что женатые взрослые люди не могли стать священнослужителями, по большому счету, было странно. Ведь это зрелые люди, у которых уже сложилась жизнь, у них появилась семья, дети, эти люди по сути уже готовы к служению, и именно таких людей и надо готовить к священству, это естественно. А у нас в Церкви такой возможности не было. Вот для них-то мы и открыли эти курсы. И из этих людей получились прекрасные священники. Среди нынешнего московского духовенства, много выпускников как раз того времени. Тогда все они были, как теперь говорят, мотивированы, целенаправленны и внутренне готовы к священству. Поступающих к нам мы обязательно проверяли на предмет канонических препятствий для рукоположения. И получились прекраснейшие священники. Словом, у нас учились именно те, кого Духовная Академия не охватывала, и никакой конкуренции быть не могло. Но такая мысль возникла не только у Патриарха Алексия II. Поэтому на первых порах у нас было очень много трудностей, в нас часто видели самозванцев, выскочек, конкурентов, неизвестно откуда взявшихся. Но, слава Богу, все это позади.

Уже позже, когда институт сформировался, само собой стало выясняться направление нашей дальнейшей деятельности. Довольно скоро к нам пришла дама — сотрудница одного из крупных московских вузов и попросила ее покрестить. Я ее покрестил, и она захотела нам помогать. Однажды она нас спросила: «А почему у вас нет лицензии?» Мы про это ничего и не слышали. Тогда она сказала, что эту лицензию просто необходимо получить, и предложила с этим помочь, поскольку у нее были знакомые в министерстве образования. И мы с этой женщиной пошли в министерство, где меня встретила работавшая там старушка с такими словами: «Ну, наконец-то вы пришли! А то к нам ходят одни сектанты, а от нашей Церкви никого нет». Кстати, духовные школы тоже ничего не слышали про лицензию и даже не подозревали, что ее нужно оформлять. Мы получили ее первыми и тем самым получили право вести образовательную деятельность, которую в полном смысле слова не имели

духовные школы. А через некоторое время после этого наша помощница сказал: «Ну, а теперь давайте попробуем получить аккредитацию?» И мы поняли, что это правильный путь, что это путь легализации богословского образования. И это значит, что если мы этой легализации добьемся, то выпускники духовных школ будут получать дипломы государственного образца, которые сделают их трудоспособными. А ведь до этих пор они были «лишенцами», потому что можно было быть выпускником Академии, магистром или доктором богословия, но государство тебя не видело, и с точки зрения образования считало никем. А если образование признается государством, то священник получает больше возможностей в реализации своего труда. Кроме того, было понятно, что нужно повышать уровень богословского образования, потому что оно по сути находилось в гетто и не могло встать на должный уровень, многое из прошлого было утрачено.

Через некоторое время мы получили аккредитацию по стандарту «Теология», который разработали религиоведы-атеисты. И сделали они это так. У них был атеистический стандарт по религиоведению, в котором ни разу не был упомянут ни один святой. Это было объяснимо, потому что его делали специалисты по научному атеизму, они просто переделали эту дисциплину в религиоведение. И огромная армия научных атеистов стала переделываться в религиоведов. Но все понимали, что это никакое не религиоведение, а научный атеизм, все это видели и знали, поэтому ни у кого это не вызывало интереса и никому не было нужно. Тогда те же люди решили открыть теологию и переделаться в теологов, рассчитывая на то, что они все же будут кому-то интересны. Для этого опять-таки нужен был стандарт. И они не придумали ничего лучше, чем в стандарте по религиоведению изменить буквально две фразы и назвать его образовательным стандартом по теологии. И вот по этому атеистическому стандарту в 1998-м году мы получили первую аккредитацию. Но по нему мы, конечно, не преподавали ни единого дня. И стали работать над тем, чтобы стандарт по теологии нового поколения был уже религиозным, профессиональным.

Тут началась борьба не на жизнь, а на смерть. И велась она с атеистами, в основном с религиоведами, у которых были большие связи в министерстве. Это было очень трудно, очень. Были различные обсуждения, диспуты, высказывания в печати, бесконечные споры в министерстве, многочисленные комиссии. Была мучительная и долгая борьба. Я уж не знаю, почему я такой настырный, наверное, потому что у меня дедушка был генералом, но я всегда считал, что нельзя отступать. И несмотря на все трудности и неприятности,

которые тогда сыпались отовсюду, мы разработали свой стандарт и его утвердили. Многие из тех, кто участвовал в той борьбе с двух сторон, живы и сейчас. И можно было бы им напомнить, что они тогда говорили, но теперь они поют другие песни. (Улыбается.)

Было создано УМО по теологии, и поскольку я как священник не мог его возглавить, мы попросили стать председателем этого объединения Сергея Павловича Карпова декана исторического факультета МГУ. Фактически работали сотрудники нашего университета. Теперь, уже по прошествии многих лет, его председателем все же сделали меня.

Так открылся путь к созданию кафедры теологии в любом светском вузе, причем настоящей богословской кафедры, а не основанной на научном атеизме. В нашем стандарте было прописано, что программы и преподаватели должны быть санкционированы Церковью. Это было первой победой на легитимном уровне. Мы пробили стену, которую построил Ленин, отделив Церковь от государства и школу от Церкви. Стандарт по теологии стал первым шагом, который позволил Церкви сотрудничать с государством в системе образования. Его в то время не могли оценить даже многие церковные люди, они просто не понимали, для чего это нужно. И приходилось объяснять. Но наиболее чуткие поняли важность этого дела достаточно быстро. Между прочим, мгновенно все понял тогда еще митрополит Калининградский, ныне Святейший Патриарх Кирилл. Когда я ему все рассказал, он сразу это понял и поддержал нас.

Была попытка снять нашу аккредитацию, но мы ее отстояли. Позже в 2008 году нам удалось добиться закона об аккредитации духовных школ. А потом выпускался новый закон об образовании, и мы очень много работали над ним, благодаря чему удалось прописать необходимые условия для развития светского религиозного образования в стране. Раньше закон противопоставлял светское и религиозное, считая, что светское — это атеистическое, а нам удалось добиться того, что эти два понятия объединились, и теперь существует светское религиозное образование, религиозное по содержанию, светское по форме и правам. Я думаю, то, чего мы добились, оценит история. Эти достижения потребовали труда большого количества людей. Наш университет объединил много энтузиастов, профессионалов, способных и талантливых людей, которые дружно работали над этим. Это был мощный ледокол, который сумел сквозь льды проложить дорогу. Молодому поколению открыта дорога к богословскому образованию. И если удастся добиться того, чтобы кафедры теологии поддерживались и государством, и Церковью, тогда это даст хороший результат. Даже в Церкви порой с трудом приходит понимание того, что это

нужно поддерживать, не сразу получается в этом убедить. Преодолеть инерцию бывает нелегко, но постепенно-постепенно лед трогается. В этом направлении многое сделано. Недавно после длительной борьбы мы добились введения теологии в классификатор научных специальностей, создали диссертационный совет по теологии и экспертный совет в ВАКе, и наш декан богословского факультета защитил первую кандидатскую диссертацию по теологии, которая утверждена ВАКом.

Факультеты церковного пения и церковного искусства, по окончании которых специалисты получают дипломы государственного образца, есть пока только в нашем университете.

Выпускники нашего университета работают в самых разных сферах жизни нашего государства, многие рукоположены, многие работают в церковных учреждениях, синодальных и епархиальных, а также в школах и вузах. Некоторые наши выпускники работают в муниципальных и федеральных административных органах власти, есть и «птицы высокого полета» - зам. министров и министры. Я думаю, что все это вместе и определяет те достижения, которые удалось наработать за 25 лет.

На протяжении всего этого времени любое достижение было чудом. Ведь у нас не было никаких условий для жизни, ни зданий, ни денег на зарплату. Первые годы многие наши сотрудники работали бесплатно. Сначала нам помогал Московский Государственный Университет и бесплатно пускал нас по вечерам в свои помещения. Потом нашлись благотворители, которые стали приобретать для нас помещения и давать деньги на жизнь, на уплату налогов и зарплаты. Наличие такой помощи на протяжении многих лет — это настоящее чудо.